

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№ 4/2026

16+

4

Журнал «Юность» 2026

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №04/2026

Редакция журнала «Юность»

2026

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №04/2026 / Литературно-художественный журнал — Редакция журнала «Юность», 2026 — (Журнал «Юность» 2026)

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

© Литературно-художественный
журнал, 2026

© Редакция журнала «Юность», 2026

Содержание

Поэзия	6
Четыре непальских поэта	6
Лакшмипрасад Девкота (Махакави)	8
Безумный	8
Манджу Канчули	13
Расстояние	13
Мукул Дахал	14
Окно	14
Авая Шреста	16
Сомнение	16
Свидетель истины	17
Первооснова	18
Константин Матросов	19
Шелухи	19
Евгения Найдёнышева	26
Звезды смотрят на мир	26
Проза	31
Дарина Стрельченко	31
Мир захвачен колдунами и дураками	31
Ринат Газизов	37
Нить	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Журнал «Юность» № 04/2026

© С. Красаускас. 1962 г.

Поэзия

Четыре непальских поэта

Лакшмипрасада Девкота называют мастером поэзии, и дело не только в удивительном феномене – сплаве традиционной поэзии Индии, ее мифологии с западноевропейским инструментарием. Писавшие столетие назад, поэты того времени, часто и самой жизнью, свидетельствуют о благородстве самого поэтического призвания – свободе самовыражения, свободе от повседневности и обретенном таким образом пророческом даре.

Поэт – не от мира сего, он сходит с ума, чтобы говорить истину с улыбкой; он показывает нам человеческую природу, потенциально скрытую в каждом из нас. Прекрасная опасность поэзии – понимание ежеминутного выбора открывателя, удивительная новизна – в противовес рутине. Это свободный ум, или, на языке обыденном, – сумасшествие. Однако именно такое творческое горение позволяет поэту видеть голоса, слышать картины, вкушать запахи, различать в камне цветок и говорить с предметами на иностранном языке...

Но вспомним гофмановского Ансельма, обнимающего куст бузины, и нам понятнее будут герои Девкоты, жизнь которого состояла из взлетов и падений. Будущий основоположник литературы романтизма родился в Катманду на праздник Пуджа Лакшми, 13 ноября 1909 года. Отец, знаток санскрита и фольклора, оказывает на него важное влияние, а сам Девкота учится на юриста.

Он занимается переводами (переводит на непальский «Гамлета» Шекспира), увлекается «Озерной школой» (Вордсворт и Кольридж), его поздние стихи – основа для появления так называемой поэзии природы, где, помимо идиллии, воспевают бури (общественные волнения как целостное проявление природы).

Девкота отходит от санскритской традиции и создает на основе песни-баллады поэму на непальском «Муна и Мадан». Также, нарушая традицию, Девкота пишет о нищих (параллель с Вордсвортом), утверждая, что божественное можно найти в каждом человеке. Одновременно он с опорой на санскритскую пьесу Калидасы работает над эпической поэмой «Шакунтала». Фактически Девкота создает современный литературный непальский язык.

Страдая от нервных срывов после смерти родителей и двухмесячной дочери, Девкота проходит курс психотерапии в клинике Ранчи. Результатом почти полугодового пребывания там становится, возможно, лучшее из написанного – верлибр «Безумец», а самого автора именуют сегодня Махакави, или Великий поэт.

Девкота не был приверженцем какой-либо партии, но редактировал оппозиционное издание, за что лишился имущества. После революции 1951 года Девкота – член Непальского консультативного совета, а в 1957 году даже становится министром просвещения.

Лакшмипрасад Девкота умирает на берегу реки Багмати в возрасте 49 лет. Он был заядлым курильщиком.

Манджу Канчули родилась в 1951 году в семье непальского драматурга Бхима Нидхи Тивари. Мать поэта – дипломированный художник. Сама семейная атмосфера и литературное окружение способствуют развитию таланта, а последующее образование (Канчули изучает английский и психологию, работает клиническим терапевтом) дает богатый материал для творчества. Манджу Канчули – автор нескольких книг стихов и прозы (первая публикация состоялась в 1995 году). Произведения переводятся на иностранные языки. Пожалуй, главный мотив стихов – положение женщины в обществе и сопряженные с этим трудности. Осуждая тех, кто рассматривает женщин как добычу, Канчули анализирует психологию виктимизатора вместе

с самим механизмом таких жертвоприношений. Манджу Канчули охотно цитирует традиционные тексты, не отягощая свои стихи туманными культурными аллюзиями. Ей куда ближе негромкое, но ясное нравоучение, за которым стоит возмущение, сопереживание и сострадание.

Мукул Дахал – поэт, переводчик и редактор. Родился в 1969 году, вырос и получил образование в Непале. В дальнейшем переезжает в Абердин (Шотландия), где продолжает учебу и занимается творчеством. Редактирует литературный ежеквартальный журнал *Pen Himalaya*, в котором публикуются стихи, короткие рассказы и интервью. Автор сборника стихов на непальском языке. Стихи Мукула Дахала публиковались в литературных журналах в стране и за рубежом.

Авая Шреста – поэт, прозаик, колумнист. Родился в 1972 году в Непале (район Бхактапур). Получил степень бакалавра в области социологии и политических наук в Университете Трибхуван. Известен своими провокационными, бунтарскими, неконформистскими стихами. Среди его многочисленных наград и признаний – премия Балкумари Рисал в области журналистики, премия «Гарима» за лучшую прозу (2012), премия «Лучшее произведение» в журнале *Praharī Bi-monthly* (2008), премия Непальской академии за лучший рассказ (2004) и почетная награда еженедельника *Dristi* за ведение колонки (2008). Благодаря опыту работы журналистом и редактором в различных национальных ежедневных изданиях Непала его колонка «Сатьякура» пользовалась популярностью среди непальских читателей. Он является главным редактором журнала *Kavita* – поэтического ежеквартальника, издаваемого Непальской академией.

Переводчики выражают признательность нашему коллеге из Непала, поэту, драматургу и художнику Суману Похрелу за неоценимую помощь в подготовке материала.

Герман Власов

Лакшмипрасад Девкота (Махакави)

Безумный

1

Да, мой друг, – я сошел ума!
Такова моя участь.

2

Я вижу голоса!
Я слышу видения!
Запахи я пробую на вкус!
Я прикасаюсь к тому, что легче неба.
К вещам,
Чье существование отрицают,
К формам, о которых мир знать ничего не знает.

Я вижу в камне – цветок!
Когда в лунном свете
На мягких, скользких от воды камнях,
У самой кромки воды
Небесная ведьма
Мне улыбается —
Разворачиваясь, трепеща, мерцая,
Пульсируя, как обезумевший немой, —
Вздывается нечто
Подобное цветку – цветку лунного жаворонка.
Я говорю с ними так, как они говорят со мной,
Говорю на их языке, мой друг!
На языке, какой нельзя ни записать, ни напечатать, ни высказать;
Ты говоришь – а тебя не поймут,
Ты шепчешь – а тебя не слышат.
На берегах Ганга, залитых лунным светом,
Рябью расходится язык, на каком они говорят.
Мой друг! Волнистой рябью!

Да, мой друг, – я сошел ума!
Такова моя участь.

3

Ты умен, остер на язык!
Твои правила математики верны и действуют безотказно,
А по моим расчетам, если вычесть единицу из единицы —
Все равно будет единица!
Ты в ладу со своими пятью чувствами, А я – шестым!
У тебя есть ум, мой друг!
У меня есть сердце.

Для тебя роза – всего лишь роза.
Для меня она – Елена и Пáдмини¹.
Ты – сама строгость прозы;
Я – текучесть поэзии.
Я таю, когда ты леденеешь,
Я мрачнею, когда ты ясен,
И обратное – также справедливо!

Твой мир тверд.
Мой состоит из пара!
Твой – плотен, а мой – прозрачен.
Ты утверждаешь, что камни – объекты,
Твердая почва – твоя реальность.
Я тянусь к мечте так же,
как ты постигаешь холодную истину монеты с надписью по кругу!
Моя острота подобна шипам, мой друг!
Твоя – из золота и брильянтов!

Холмы для тебя немые,
По мне они – само красноречие.
Да, мой друг.
Я свободен в своем опьянении,
Такова моя участь.

4

Прохладным месяцем Магхом²
Я сидел, согреваясь первыми лучами звезды,
И мир прозвал меня бродягой!

Когда, вернувшись из Бхасмасура³,

¹ Падмини – легендарная индийская царица XII–XIV веков. Ее красота воспевается в эпической поэме «Падмават».

² В индийском календаре Магх – 11-й месяц года (с 21 января по 19 февраля).

³ Крематорий Нимтала в Калькутте, где в 1941 году был кремирован Рабиндранат Тагор.

Я просидел неделю, уставясь в одну точку, —
Он одержим духами! – сказали они.

Когда я проплакал три дня,
Заметив первые снежинки
На волосах прекрасной женщины;
Когда милосердие Будды тронуло мою душу —
Меня объявили сумасшедшим!

Когда увидели, как я танцую,
Услышав первую кукушку весной, —
Надо мной потешались, как над безумцем!

Одинокое новолуние меня душило,
Я вскочил, корчась от боли, предчувствуя гибель.
И тогда умники надели на меня колодки!

Однажды, стоило мне начать подпевать буре, —
Мудрецы свезли меня в Ранчи*!
Однажды, когда я лежал ничком, думая, что умер, —
Один друг сильно меня ущипнул и сказал:
«Сумасшедший, твоя плоть еще не умерла!»

И такое случалось со мною из года в год.
Я живу, как безумец, мой друг!
Такова моя участь.

5

Вино набоба обозвал я кровью,
Соседку-блудницу – бездыханным трупом!
А самого правителя – нищим!
Я ругал Александра!
Я поносил святых!
Зато я превознес тишайших на мосту хвалы
До седьмого неба,
Ибо твои ученые умы – непроходимые тупицы!
Твой рай – мой ад!
Твое золото – мое пятно!
Твоя набожность – мой порок!
Там, где ты считаешь себя гением,
Я нахожу тебя полным тупицей!
Твой взлет для меня – падение, —
Так извратили мерило наших ценностей,
Мой друг!
Весь твой мир для меня – не больше пряди волос.
Да, мой друг!

Я весь во власти Луны,
Да, я во власти Луны.
Такова моя участь.

6

Я вижу слепцов, вижу мировых лидеров.
Вижу аскетов в пещерах, вижу беглецов.
Вижу, как люди взбираются на бутафорские сцены —
Мрачная клоунада!
В проигравшем я вижу – победителя!
В прогрессе я вижу – регресс!
Может, у меня испортилось зрение
Или я просто спятил?
Да, мой друг, я просто спятил!

Смотри, как бесстыжие лидеры,
Будто шлюхи,
Отплясывают голыми.
Смотри, как трещит под ними
Хребет прав человека!

Когда гнусная ложь,
Оттиснутая на газетной бумаге шрифтом с воробьиную голову,
Бросает вызов моей мудрости, герою внутри меня, —
Щеки мои пылают —
Красные от гнева, мой друг!
Красные – как горящие угли!

Когда безгласные люди
Пьют черную отраву —
Они глотают ее ушами,
Думая, что это нектар,
Прямо у меня на глазах, мой друг! —
Тогда волосы мои встают дыбом —
Как у ядовитой Горгоны!
Локон за локоном!

Когда я вижу тигра,
Готового растерзать оленя, мой друг,
Или вижу, как большая рыба пожирает меньшую, —
Тогда неукротимая мощь духа Дадхичи⁴,
Пронизывая хрупкие мои кости,
Хочет зарычать, мой друг,
Как в оный день, когда с небес ударила молния.

⁴ Мудрец, пожертвовавший собой; из его костей сделали оружие для победы над демонами, или «ваджру» – молнию.

Когда один человек не видит человеческое в другом, мой друг,
Мои челюсти – все тридцать два зуба – скрежещут —
Обе челюсти дрожат!
Так скрежещут зубы Бхимасены⁵!

Зубы мои скрежещут – как у Бхимасены – в ярости.
И тогда,
Закатывая огненно-красные от гнева глаза,
Я, подобно бушующему пламени,
Глазею на этот человеческий мир нелюдей, мой друг!

Внутренности мои рвутся на части —
Разъять! Растоптать! Разрушить!
Ярость бури – мое дыхание,
Лицо мое искажено,
А мой мозг, мой друг,
Становится лесным пожаром!
Всепожирающим пламенем!
Я безумен, мой друг! Безумен!
Я готов проглотить весь мир целиком.

Да, мой друг!
Я и есть та прекрасная лунная птица.
Нежная и жестокая – разрушитель безобразного.
Птица, похитившая небесный огонь,
Дитя бури,
Ревущего вулкана,
Носительница дикого духа!

Да, мой друг!
Я – сумасшедший, я сошел с ума.
Такова моя участь.

Перевод Германа Власова

⁵ Второй по старшинству и самый сильный из рода Пандавов в индуистском эпосе «Махабхарата».

Манджу Канчули

Расстояние

Вместе, но врозь,
ноги движутся параллельно по зеленому ковру.
Эти жесты! Синхронные, оживленные,
как если бы...

Насколько же лучше было в начале:
ничто не могло сломить меня,
ничто не ранило, нигде не саднило!

А прямо сейчас – вечер, чашка чая в руке.
Глоток, сосредоточенный взгляд.
Случайная улыбка.
Рядом, в паре сантиметров.
Вокруг двери: закрыты, открыты, полуоткрыты, полузакрыты.
Ужин в десять, тусклый свет, скатерть,
два стола
в двух разных домах,
и расстояние в километры.

Наутро черепа встречаются,
жесты вогнутые, раздраженные!
Тело громогласно ревет: «Доброе утро!»
Сердца, их удары – скорее «коллеги».
Соединенные полушария отдаляются.

Перевод Анны Шараповой

Мукул Дахал

Окно

Окно в моей комнате открыто.
Оно не закрывается.
Трава на лугу открывает его;
вижу, как тонкие ее руки
дергают щеколду.

Ручей тянет руки,
чтобы открыть окно;
вижу, как влажные его руки
изгибаются, когда тянут за край.

Мокрые камешки с песчаного дна
рассыпаны на полу.

Они манят меня к себе,
и я начинаю играть.

Они отодвигают угол шкафа,
чтобы освободить себе место.

Манговое дерево, стоящее на горбатой земле в поле,
открывает окно.

Ветра порыв сотрясает ветви,
и листья падают на пол.

Листья приносят запах далекого прошлого.
Я играю с ними.

Из открытого окна я вижу горизонт,
низко нависший над рисовой мельницей.

Прерывистый шум мельницы
перемежается со звуками дамаха и дхоли⁶.

Голос бабушки оживает,
сплетаясь с их отзвуками.

Белье, вывешенное сохнуть на дворе,
развевается под ветром.

⁶ Дамаха – барабан из кожи, по которому ударяют палкой; дхоли – двусторонний барабан.

Как ни старался я закрыть окно —
оно распахнуто настежь.

Перевод Германа Власова

Авая Шреста

Сомнение

Сомневайся в прекрасном —
в коллажах,
состоящих из множества облаков,
в красоте сомневайся,
в самой сути существования —
в изменчивых красках роскошных озер
и в снеге, облачными заплатками
оседающем на твоих ладонях.

Сомневайся в шумливых новостях,
приходящих из телевиденья и газет,
сомневайся стихам, безупречно цветущим,
помыслам интеллигентным,
премьер-министра речи,
высказанной от имени сограждан.

В историях сладкоречивых
сомневайся,
рассказанных учителем почтенным,
повествованию великих летописцев
о всепонятных ценностях земли.

Сомневайся
в привязанности к истине Юдхиштхиры⁷ —
она исчезнет, вытает, как снег;
и в храбрости Арджуны⁸ сомневайся,
что, словно небосвод, недостижима.
И в страшной клятве Бхишмы⁹
сомневайся,
и в подлости Дуриодханы¹⁰,
в былинных текстах
Веды и пуран¹¹.

Маркс, Ганди и Сократ,
Фрейд, Дарвин и Эйнштейн —
твои попутчики.

⁷ Юдхиштхира, или «стойкий в битве», — старший из Пандавов, герой «Махабхараты».

⁸ Арджуна — герой «Махабхараты», получивший наставления от Кришны, после чего началось сражение с врагами.

⁹ Бхишма — двоюродный дед Пандавов и Кауравов, пытался предотвратить вражду. Клятва, данная им, сделала его главным героем эпоса.

¹⁰ Дуриодхана — старший из Кауравов, главный отрицательный персонаж эпоса.

¹¹ «Веды» — сборники древних священных текстов; «Пураны» — былины.

Махабхарата, Библия Святая и Рамайна,
Дхаммапада, Трипитака¹²
и Коран – все эти истины не непреложны:
ни Брахма не реален,
ни мир не лживый. Сомневайся
Христу и Вишну, Махешваре¹³,
Мухаммеду, Шри Раме
и Будде самому,
который весь – ученье о сомненье.

Никто в многообразном этом мире
не помещен
вне круга всех сомнений.

Сомневайся
и этим поэтическим строкам,
провозгласившим божество сомненья.

Вот так же неустанно
я сомневаюсь в совести своей —
так почва проверяет всякий раз
все семена, посеянные в ней.

Свидетель истины

Отныне даже истина,
чтоб достоверной быть,
должна иметь свидетеля.
А также солнцу, небу и луне,
чтоб подтвердить свое существование,
необходим свидетель.
Когда свет солнца сходит с горизонта,
то многие в стремление отыскать
пригодные окрестности для жизни
стирают след от собственных шагов.

Теперь одна поэзия не в силах
из человека сотворить поэта.
Чтоб быть поэтом,
чтобы быть певцом,
и даже чтобы человеком быть —
необходим свидетель, очевидец.

¹² «Дхаммапада» – сборник стихотворных изречений Будды; «Трипитака», или «три корзины», – свод священных текстов буддизма.

¹³ Вишну – одно из центральных божеств в индуизме, хранитель вселенной; Махешвара («Великий владыка») – одно из имен Шивы.

Значенье истины свидетель искажил,
меня правды цвет.
Свидетель – вот сама причина,
из-за которой истина в темнице.
Теперь настало время превращения,
где истина, как носовой платок,
хранится у свидетеля в кармане.

Первооснова

Я не смыкаю глаз ни на минуту,
чтоб нежности источник не исчез.

Как драгоценный стих,
как ветхое любовное письмо в моем бумажнике,
павлинье многоцветное перо,
припрятанное в книге меж страниц,
я сердцем охраняю закуток.

Я жду тебя всего лишь для того,
чтобы однажды
вернуть его назад.

Перевод Жанны Сизовой

Константин Матросов

Родился в 1987 году в селе Марьинском Костромской области. Окончил три курса филофака. Публиковался в журналах «Новый мир», «Prosōdia», «Интерпоэзия», «Homo Legens», «Пироскаф» и др. Неоднократно входил в лонг-лист премии «Лицей» и в шорт-лист Волошинского конкурса. Живет и работает в Костроме. В «Юности» публикуется впервые.

Шелухи́

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Весна. Но ночью как бы напоследок
Зима морозит почву. И по лужам
Мне весело бродить: их лед алмазный
Как в дальнем детстве исторгает хруст
Под сапогом. Однако остальное
Тут до неузнаваемости полной
Почти неумолимо изменилось.
Конечно, целый Ленин (а не бюст)

Стоит все так же у старинной школы.
Но школа нынче – дом для престарелых.
Учительский в четыре дома хутор
В три четверти, по крайней мере, пуст.
Уехал житель и приехал дачник.
Лишь я один хожу здесь – неудачник.
Но фауну моих воспоминаний
Забвения уничтожает dust.

Здесь мы сушили сено. Здесь сидели
У жаркого костра. Здесь с другом в салки
Играли. В страхе пятятся недели
Передо мной, что помнит каждый куст
И каждый дом. И как я или дрался,
Или играл в футбол на желтом поле,
Или как я под деревом касался
Устами в первый раз девичьих уст.

Теперь во всех домах другие окна.
Мороз уже свой сад не разобьет в них,
И не увидишь ты деревьев Марса,
И за стеклом реальный сад не густ:
Спилили половину слив и яблонь,
И выкорчевали малину с корнем.
И лишь белокочанная осталась
От многих видов папиных капуст.

Мир упростился: пропадают вещи.
Будильник, патефон, троллейбус, плеер.
Немыслимый изыск архитектуры —
На сельском клубе пожелтевший руст.
Мертво в округе. Лишь шумит машина
За рощей, лишь скоблит бомбардировщик
Дневное небо. И парник на грядке
Без пленки, как зарезанный лангуст.

Не только времени мне жаль, но мира
Мне жаль: теперь мы все в другом, конечно,
Живем. И занесла трава забвенья
Все поле – вездесущий борщевик.
Там от ворот осталась только штанга,
Как меж врагов последний гордый воин.
Друг, берегись! – хочу ему я крикнуть.
И я кричу, но вам не слышен крик.

РУБАШКА

Маше

В платяном шкафу еще осталась
Теплая рубашка от отца —
Все, что есть на будущую старость
Для нее теперь от мертвеца.

И, когда рубашку надеваю,
Становлюсь на время ей отцом.

С головой я в ткани пропадаю,
Вынырнув потом с чужим лицом,

Дышащий подобно водолазу,
Возвратившемуся с глубины,
На которого упали сразу
Свет и горький воздух тишины,

К телу своему чужую душу
Примеряя, я увижу дочь,
Чем законы бытия нарушу,
Пусть и не сумею их превозмочь.

И она, в объятьях беспокоясь,
Потерявшая отца и мать,
Счастлива, что может одного из
Них как милый призрак обнимать.

ШЕЛУХИ

Ночью сядешь в кровати невесть почему,
Силуэты размыты и звуки тихи.
И сидишь, тыча пальцем куда-то во тьму,
Бормоча шелухи, шелухи, шелухи.

И немислимым ужасом обожжена,
Приподнимется чуть на дрожащем локте,
Оторвавшись от жаркой подушки, жена.
Будет долго высматривать их в темноте.

Я засну, у нее – не получится спать,
Что-то ползает по полу, только вот что?
Слишком утло плывет в ночь, как лодка, кровать,
Слишком страшно висит у комода пальто.

У нее мелким бисером выступит пот,
У меня синарена уфтанег углющ,
Вишенедешук турана угрунэ нот,
Миденец обвивает, как медленный плющ.

Шелухи – это то, что неведомо нам.
Шелухи – это то, что поймешь лишь во сне.
Шелухи – это счет нескончаемым дням
Без тебя. Это шепот в ночной тишине.

Может быть, это что-то навроде мокриц,
С белой шерстью, в полметра примерно длиной,

Но с гримасами злых человеческих лиц
И стрекочущей церкой в подбрюшье одной.

Нет у них ни клыков, ни когтей и ни глаз.
Но они за тобой непременно придут.
Шелухи – это тени, лишь тени от нас,
Шелухи где-то тут, где-то тут, где-то тут.

ВЕЩИ В ЧУЛАНЕ

Какие-то предметы развлечения —
Прыгун, окаменевшее печенье,
Спустя года без преувеличенья
Исполнены сакрального значенья.

Какой-то мусор, мелочь, безделушки:
Солдатики, пластмассовые пушки,
Очков давно отломанные дужки,
Подъелочного зайца Кости ушки.

Слепая парка шьет, но плохо порет.
И осенью я поднимаю ворот.
Мое решение вряд ли кто оспорит:
В чулане этом я воздвигну город.

Поедут по нему автомобили,
Наматывая под капотом мили,
Смахнут медведи с шерсти тучи пыли,
Вы были, потому что вас любили.

И задымят в том городе заводы,
Соседствуя с явлениями природы.
Крестьяне графу повезут подводы,
И поплывут по речке пароходы.

И диафильмы залистает пальчик
И всем покажет старое кино...
Не уходи отсюда, старый мальчик,
Мы не были живыми так давно!

СВИТОК

Советские оболы:
Копейки, пятаки.
И старые – со школы —

Кассеты и крючки.

Две пуговицы, клеенка,
И между них на дне
Цветная фото пленка
Попалась в руки мне.

И времени в убыток
Мне явленный, как есть,
Развернут мною свиток,
Который не прочесть.

Стремительной эскадрой
Бегут в небытие
Мгновения и кадры
Последние ее.

Нечеткие силуэты,
Не видно ни лица.
И просятся монеты
На очи мертвеца.

И пусть неразличимы (
Вот это вроде я),
Себя спасти смогли мы,
На пленке раздвоя.

Вот мама, вот сестренка,
Вот папа, дядя, брат.
К концу подходит пленка.
И вот пустой квадрат.

НАСЕЛЕНИЕ

Когда мой поезд пересек мосты
И наконец я в свой вернулся город,
Я вышел на перрон и теплый ворот
Поднял. И там, в просветах пустоты
Ветвей увидел, что не стало листьев.
Как вор, их ветер до нуля обчистив,
Ко мне метнулся. Желтые листья,
К ногам моим сметая, полз по коже...
И вдруг заметил я: любой прохожий —
Один в один — оставленная ты.
Асфальт пластался под подошвой плоско.
И люди у газетного киоска,
И люди в мной покинутом вагоне

И на пересеченном мной перроне
Имели все одни твои черты.
Как будто здесь живет сто тысяч ты!
И дворник, что метет панели, – ты.
Старик в сиреновой фланели – ты.
И две идущие модели – ты.
На самокате пролетели – ты.

Повсюду было лишь твое лицо.
Тебя я видел в молодом курьере,
В соседе, севшем в тапках на крыльцо,
В старухе, что запуталась в портьере,
В коллегах, в лицах собственной семьи:
Везде, где приходилось находиться,
Твой нос и губы, и глаза твои,
И шрам, и брови, и твои ресницы.

Так продолжалось без недели год.
И даже в зеркале тебя я видел.
Тебя так долго видел я, что вот
Почти уже тебя возненавидел.

И именно тогда мои черты —
И боль была мучительно тупая —
Сквозь сотни тысяч вездесущих «ты»
Реальностью сквозь праздные мечты
Зашевелились, тихо проступая
В моем лице. И город в свой режим
Обычный потихонечку вернулся.
Но для меня стал навсегда чужим.

ПРОЩАЛЬНЫЙ НОКТЮРН

Раздавленные ягоды рябины,
Промокшие в дожде осеннем спины,
Фонарный стебель без огня зачах.
Подростки в ветре сплюсненном, крылаты,
Как ангелы, седлая самокаты,
Летят во тьму в расстегнутых плащах.

Седая осень бродит по проулкам
И в воздухе расширенном и гулком
Бросает с веток и метет листву.
И это, тучей спрятавшее просинь,
Не просто так – очередная осень,
А смерть уже моя по существу.

Как гонит ветер листья по брусчатке!
И как на детской брошенной площадке
Пустая одинокая бутылъ
Стоит! И только ветер на качели
Качается, как призрак, еле-еле
И дремлет, как мастиф, автомобиль.

По локти суну руки я в карманы
И завернусь в осенние туманы.
Я ничего не помню вообще.
Лети ко мне из этой тьмы кромешной,
Растрепанный, обугленный и нежный
Мой черный ангел в драповом плаще...

Евгения Найдёнышева

Родилась в 1987 году в городе Октябрьске Самарской области. Училась в Балтийской академии туризма и предпринимательства в Санкт-Петербурге. С 2020 года живет в Белграде, Сербия. Программист, редактор IT-статей. В «Юности» публикуется впервые.

Звезды смотрят на мир

Мы повстречались в книжном магазине «Лав и Жабац» – укромном местечке в центре Белграда, где людей объединяет чтение на русском языке. Незадолго до личного знакомства мы узнали друг друга по переписке. Я заметила, что Евгения Найдёнышева публикует зарисовки о Сербии, порой в стихах, но нарочно не читала их. Стало интересно увидеть вживую, как можно подглядывать за поэзией города, еще недавно далекого и чуждого. И два дня напролет мы смотрели Белград вместе. Я повстречала не просто интересного собеседника, а редкого ценителя степенных прогулок. Этот пешеход не берет на карандаш на ходу, а, скорее, делает череду остановок, чтобы расслышать и впитать, как «напевает свою колыбельную Сава», «поет молодежи орава» и «звенит припозднившийся к ночи трамвай». Это обитатель города, который не может оставаться безучастным к жизни улиц, «когда за порогом такие бушуют палитры». Даже не видя стихов, за разговорами я ощутила, что Белград Жени полон жизни и вовсе не замкнут. Ей дорого и ценно, что «в июльскую ночь в небе след молока» различим не только над Сербией. Мне показалось, эти стихи так и вырастают из душевной тяги к переключкам житейским, словесным – любым, что указывают на родство, разлитое в мире вокруг. Наверное, строка «я здесь живу, я не хочу туристом» не только о Петербурге, она отражает лирическое стремление автора. Оно и помогает не делить окружающее на сегодняшнее и ностальгическое, сербское и русское, а видеть над жизнью звезды, которые тоже смотрят на мир.

Варвара Заборцева

* * *

У дорчольских домов обветрены лица,
Освещают застенчиво их фонари.
Зацветает каштан. Засыпает столица
Небольшой, поцелованной солнцем земли.

Напевает свою колыбельную Сава,
Охраняет от тягостных мыслей Дунай.
На знакомом поет молодежи орава,
И звенит припозднившийся к ночи трамвай.

Звезды смотрят на мир. И семь тысячелетий
В этой точке, в ночи кто-то смотрит в ответ.
Есть, пожалуй, древнее места на планете.
Несчастливее, кажется, города нет.

Спит уже зоопарк: и слоны, и лисицы.
Птичий гам прекратился до ранней зари.
Все спокойно кругом. Засыпает столица
Небольшой, поцелованной Богом земли.

* * *

В белградском апреле
Траву нарисуют гуашью
Погуще, поярче – так, словно
Добавлены фильтры.

Несложно поверить
Любым обещаниям счастья,
Когда за порогом
Такие бушуют палитры.

Спят зайчики солнца
На всех разрисованных стенах.
И негде упасть ни ранетке
На летних террасах.

Об этом апреле поет
Здравко Чолич со сцены,
Как будто в розетки
Включили все радио разом.

На Калемегдане

Закат нарисован мазками.
Случайный турист не поверил:
Бывает так ярко?

«А здесь так всегда», —
Пожимает прохожий плечами,
И песня «Април у Београду»
Льется над парком.

* * *

Жили-были красивых и смелых людей племена.
Занимались хозяйством, детей потихоньку растили.
И давали предметам знакомым вокруг имена —
Так удобней, чтоб дети потом ничего не забыли.

А затем приключилось такое, что редко когда.
Сами люди боялись давать тут оценку явлению.
Все вдруг стало меняться: пейзажи, места, берега,
И Великим историк назвал это Переселением.

Люди были простые тогда, без затей.
Собрались и запели в дороге знакомую песню.
Понесли с собой скарб немудреный, животных, детей,
Сказки, байки, легенды, слова, сочиненные вместе.

Часть племен отошла на восток, ну а кто — на юга.
Между братьями вдруг оказались другие народы,
Расстояния, реки, озера, леса и снега,
Звездопады столетий и быстрые вешние воды.

Так и жили неблизко, свое сохраняя родство,
Разным словом все больше знакомых вещей называя,
Отмечая седьмого числа Христа Рождество,
И под натиском чисел семейное сходство теряя.

Но в июльскую ночь, в небе след молока различив,
«Млечный путь» назовет его Маша из Новосибирска.
«Млечни пут», — скажет Милош, что курит в белградской ночи,
И над Сербией небо большое наклонится низко.

БИДОН

В пестром собрании
полузабытых предметов,

нужных когда-то,
сегодня почти неизвестных,
тех, что бывали
времени верной приметой,
слово «бидон» занимает
особое место.

Белый бидон трехлитровый,
горох на эмали —
верный помощник
в хозяйстве и жизни свидетель.
Сколько в него насыпали
всего, наливали.
Когда прекратили – не знаю.
Никто не заметил.

В памяти день: ряд бидонов
и запах молочный,
длинная очередь,
бабушки сильные руки,
гольфы, панама
и новое платье в цветочек —
и далеко до потери
любой и разлуки.

* * *

Два месяца, как длинный-длинный день.
Ползет автобус, сдвоенный гармошкой.
А я пешком. Мне здесь ходить не лень.
Я здесь живу, как книжка без обложки.

Не знаю, кто и в статусе каком,
Сворачиваю с Пестеля направо.
За мной летит орава облаков
И мыслей ностальгических орава.

Они летят. А я себе иду.
Я здесь живу, я не хочу туристом.
Я вспоминаю город на ходу
И удивляюсь, как же все неблизко.

Мне имена обидно забывать,
Дворцов, и улиц, и мостов названия.
Вот вечер. Снова время погулять.
И я пойду до площади Восстания.

* * *

День расписан по минутам.
Опоздать везде рискуя,
я пройду своим маршрутом
от Дворцовой на Морскую.

Сделать вид, что все как раньше —
Будто не было разлуки?
В сизой мороси летящей
Гаснут запахи и звуки.

Дождь идет от центра к краю,
под зонтами прячет лица.
Мокнет Малая Морская,
а культурная столица

на меня не смотрит даже.
Ей совсем не нужен зритель.
Задержусь у Эрмитажа
бликом в луже.

Здравствуй, Питер.

Проза

Дарина Стрельченко

Автор восьми изданных книг, редактор, полуфиналист литературных премий «Лицей», «Ясная Поляна». Работает с фэнтези, магическим реализмом, триллером и YA. Публикуется в журналах и сборниках, ведет блог о писательском ремесле, переводит на русский стихи удмуртских поэтов.

Мир захвачен колдунами и дураками

Звезды вспыхивают из темной пыли. Крохотная ее горсть способна разрастись в солнце или сжаться до пожравшего свет карлы.

Я стою в дальней комнате у окна и смотрю, как идет снег. Он опускается на холмы, горы, на ветви оливы и теревинфа во дворе крепости. Он начался несколько часов назад и густеет с каждой минутой, застилая звезды и откладывая мою смерть. Глава стражи явился ко мне на закате и сказал, что в такой снег не дойти к Башне, поэтому меня отведут туда завтра.

Снег подарил мне целый день жизни. Это ничтожность и бесконечность. Темная пыль может начать свой путь к солнцу, равно как и двинуться к пустоте за этот день. Мириады вспышек, скрываемых от меня снегопадом, прямо сейчас делают именно этот выбор, мало зависящий, впрочем, от них, а лишь только от обстоятельств. Обстоятельствам этим – массе, времени и составу – в моем училище был посвящен целый курс. Когда-то его читал Менелай, мой верный друг еще с Вефиля, выбравший, к моему огорчению, путь не знания, но власти. Мы рассматривали облака с плоской кровли брошенного зернохранилища, спорили о путях света и размышляли о «желаниях звезд». Желанием звезды другой мой товарищ, Ахав, метко назвал то раскаленное и неведомое, что заставляло холодное темное вещество вспыхивать, становясь светилом. Даже теперь, столько погасших и вспыхнувших звезд спустя, мое сердце сжимается от воспоминания о предательстве, словно птица, которую пытаются сдавить в кулаке.

...Покинув мое училище, Менелай бросил догматы звездочтения к ногам сатрапа. Он обещал, что звезды укрепят могущество владыки, ибо предсказывают его великое восхождение

ние. Мои ученики, распространявшие «ереси» о том, что звезды не способны выбрать владыку и предсказать его власть, становились пятым колесом в Менелаявой колеснице. Он обвинил Ефама и Гедона в осквернении небесных тайн, Алфея – в попытке обуздать движение светил, а мой механизм, призванный замечать свет звезд, нарек ловушкою душ. Вскоре Менелая вторил Ахав, коего я считал своим духовным товарищем, – это поселило в моей душе еще большую горечь. Их слова быстро подхватила толпа: толпа, как известно, легко подхватывает громкие крики.

Ветра нет, и белая стена стоит передо мной, отделяя от мира. Я отхожу от окна – холод в Гадаре этой зимой свиреп – и устраиваюсь в углу так, чтобы все равно видеть снег. Хитон кажется рыболовной сетью и вовсе не греет, огня мне не принесут. Может быть, я перестану существовать в той форме, в какой существую теперь, еще до того, как окажусь в Башне.

Я дышу на пальцы и закрываю глаза. Из рта вылетает пар; я вижу его даже сквозь закрытые веки. Он смешивается со снегопадом, его клубы складываются в удивительные узоры, которые освещают взрослые и юные звезды.

Что есть день в жизни звезды? Что есть снег? Ведают ли звезды о снеге? Думаю, ведают. Звезды ведают все: их пути так длинны, что они не просто узнают все, что только можно вместить, о мире, но и рожают свое. Так появляется новая информация, которую мы не в силах изучить и усвоить в том мире, в котором находимся в этот миг. Я не знаю, откуда во мне это слово – «информация», – но я знаю, что оно существует. Оно вмещает в себя прошедшее и грядущее, помыслы и твердые факты, наши видения и вопросы, становящиеся воспоминанием.

...Услышав за дверью треск и возбужденные голоса, мы сразу поняли, что это. Мгновение мы смотрели в глаза друг другу, а после Елизавета метнулась к полке, на которой хранились небесные карты, – она, моя лоза, хотела спасти их. Миг спустя на нас хлынул испуганный шум улицы, и в училище ворвалась стража. Они кольями разрывали льняные завесы, опрокидывали скамьи. Разлеталась по углам галька из деревянного абака, упал с подставки илфированный обсидиан, сквозь который мы наблюдали свет, – он раскололся, и горячие огненные пятна заплясали по стенам. Струя из поломанных водяных часов гасила масляные лампы, со звоном катились по полу бронзовые кольца Круга Авимелеха.

Мы сидели на циновке, держась за руки, и смотрели, как разрушают наше училище, разоряют наш звездный храм. Крошилось стекло, лилось вино, и грохот стоял всюду. Кто они, кто – эти люди, мучительно спрашивал я себя, – те, кто еще вчера приходил сюда благоговейно внимать безмолвному танцу звезд, а сегодня явился, чтобы не оставить камня на камне от здешних стен, вынуть солому, растворить глину, разломать тончайшие приборы, сконструированные мною, моими учителями, моими учениками?.. Мое сердце не могло больше видеть происходящее и обратилось к Елизавете. Она сжимала мою ладонь, и в ее глазах я видел отражение своего страха. На остывших улицах уже укладывался пылью горячий шелковый рассвет, когда новые друзья Ахава и Менелая закончили разорять училище и объявили, что по приказу сатрапа доставят меня во дворец. Я выпустил руку Елизаветы. Я вынудил ее пообещать, что она исчезнет, растворится на просторах Самарии и Синая. Она исполнила обещание, я не видел ее с тех пор, но верю, что увижу – ее и всех, кого я так сильно любил.

Мое училище, детище и дело разрушили, но это не изменило движения звезд, а стало не более чем пылинкой в их вечном танце. Я верю, что исчезновение – человека ли, места, – подобно преображению. Возможно, уже утром я смогу убедиться в правоте своей веры.

Скоро заступит третья стража, стоит самый темный и самый глухой час. Снег все идет, но холод исчез. Я выбираюсь из своего угла, подхожу к окну и осторожно сажусь на широкий, в два локтя, подоконник. В нескольких медленных движениях, крепко держась руками за выступы камня, я добираюсь до края и сажусь там, свесив ноги. Розовые огни промелькивают в снегопаде, но ни стен, ни других построек не видно. Я словно один во всем мире – или, может быть,

я нащупал наконец-то шов, из которого к нам приходят звезды, и заглядываю в него, не ведая того сам.

Я вдруг вспоминаю, как был мальчишкой, и улыбаюсь, и болтаю ногами. Снег мельтешит вокруг, завиваясь вокруг сандалий. Пахнет мокрым камнем и благовонным маслом, оливой и можжевельником, которые стражники жгут на кострах. Мне кажется, что тепло и дым доходят до меня, согревают щеки, ладони, пальцы, проникают в грудь. Еще бы разошлись тучи, чтобы можно было в последний раз насладиться созерцанием тех, кому я подарил свою жизнь и кому, быть может, обязан смертью. Но нет, нет; в моей смерти виноваты не звезды, а нарекшие меня колдуном Ахав и Менелай.

...А детство все вспоминается: наш просторный дом из финикийского кедра, голуби, смоковницы, странники у колодца. Мать выносила им сикер, гранаты и ячменный хлеб, вечерами, когда спадал зной, они подолгу сидели на крыше, и я слушал их рассказы о крепостях Секелага, садах Вавилона и битвах Тель-Гезера. От них же я узнал о звездах: о том, что они вовсе не прибиты к небосводу на железные гвозди, а витают в пространстве и способны указывать путь, предрекать судьбы и даже слать свои лучи из прошлого в будущее.

Ночи так длинны, так тяжелы зимою, что их, должно быть, привозят из пустыни выносильные верблюды. Я прислоняюсь спиной к шершавому камню и ищу глазами место на небосводе, где обосновался Нихал, звездный верблюд, пьющий воду. В детстве я все думал, отчего же он никак не напьется и не пойдет дальше, ведь он свободен. Теперь мои размышления скромней, я думаю лишь, отчего меня оставили в этой комнате со столь огромным окном. Ни решетки, ни веревок, ни стражников... Быть может, они надеялись, что я сам решу исчезнуть, соблазнюсь возможностью избежать Башни? А может, сатрап так милосерден, что подарил мне эту возможность нарочно?.. Вместе с клеветой Ахав и Менелай принесли ему обильные подношения: десять золотых талантов, пять кувшинов изюма, корзину гранатов. Они хвастались мне этим, прежде чем отправиться к сатрапу. Я мог бы бежать... Но не сделал этого.

...Один из странников, долго поивший у нашего колодца ослов, поведал о храмах, в которых учат читать небо, о звездочетах Вавилона и Вифлеема: ночами они прилипают к особым приборам, приближающим звезды, и наблюдают за их жизнью. Жизнь звезд, сказал мне странник, всегда любопытна людям. Они так недостижимо далеки, но так щедро одаривают нас своим светом. Ночью после того я видел падение звезды. Теперь я знаю, что это были не огонь и сера, но рождение или смерть, – но тогда я различил лишь искру на небосводе. Меня поразила мысль, что свет может падать. Я спросил у отца, куда деваются угасшие звезды. Отец не знал. Ни один учитель не знает все.

Глухо кричит петух, ранняя птица, а снег все идет. Он, однако, не мешает мне видеть, как далеко впереди тайной тропой торопятся звездочеты, как в великий храм на горе входит тот, кто не смеет туда входить, как содрогаются под обжигающим дождем города и тонкая рука, на которой звенят браслеты, приподнимает шатровый полог.

...Отец велел мне быть внимательней, мать – добрее, когда я покидал дом. Я унес эти наставления в ивовой корзине, куда спрятал свои пожитки, и они весьмагодились мне по пути в Вифсаиду, а особенно после. Но еще более, чем во внимании и доброте, я нуждался в терпении, ибо звезды так далеки, что мы не в силах соприкоснуться и на мгновение: то истинное время, что мы видим их свет, для них является прошлым, для нас же – грядущим.

Эта мысль – что грядущее существует, что нельзя отменить, остановить свет и слово, – вызволила меня из бездны отчаяния, когда я задумался о смерти и утратился ее. Если бы Ахав, Менелай, стражники и рабы сатрапа явились ко мне тогда, я отдался бы в их руки добровольно, лишь бы не испытывать больше ужаса, поглощавшего меня в те тревожные дни.

Смерть представлялась мне концом, ужасом, низвержением всего, чего я достиг, гибелью всех знаний, радостей, удовольствий. Безусловно, останутся мои труды о звездах; и сикер, и тимпаны, и девы, и изумительные миндальные рощи останутся в этом мире, но что будет до

того мне, если не будет меня? Выходит, с моей смертью завершится весь мир. Я не мог смириться с этим, я метался издыхающим вепрем, не способен был есть и боялся спать, ибо уверился, что смерть схватит меня во сне.

Теперь же смерть видится мне космосом. Это великое слово я узнал в училище при одном из храмов Вифсаиды, его смысл есть «порядок». Космические тела неизменно движутся – каждая частица нашего тела, каждая наша мысль, каждое слово, сказанное и еще не произнесенное, существует и движется. Мне представляется, что порядок космоса есть движение, вечное путешествие, и все мы приходим в нем непрерывно: начав этот путь до рождения, мы не завершим его после смерти.

Теперь я смотрю вдаль и спрашиваю себя: может быть, снег – это умершие, движущиеся звезды? Что, если бы все звезды низринулись разом? Выжила бы земля? Стало бы это ее смертью – ее космосом?

Прошлое и звезды, предательство, Елизавета и снег – все это видится мне одним потоком, и, думая о нем, я вновь вспоминаю неведомое прежде слово. Я произношу его вслух, мысленно полагая на ноты:

– Ин. Фор. Ма. Ци. Я, – и тучи расходятся, а над горами показывается контур рассвета.

Сверху вниз, ровно перед моими глазами, летит лепесток, и я знаю, что где-то рождаются в эту минуту звезды, растут новые горы, подчиняются новому дню водяные часы в великих вавилонских садах. Делает ли все это мой лепесток? Он влетает внутрь, застревает в моей бороде. Я снимаю его и держу в ладони, смотря на зарю, красную и крупитчатую, точно сердце смоковницы.

Двигутся стрелки вселенной. Впереди темнеет силуэт Башни.

Помня, что жизнь конечна, жить так, словно у нее нет конца. Нам приходится принять это противоречие, этот переход хаоса в космос, желаем мы того или нет. Даже те, кто отвергают его, даже те, кто никогда о нем и не думали, принимают его. Таково условие восприятия информации в том положении вещества, в коем мы существуем.

...Из дома я отправился в Вефиль, в знаменитое училище Авимелеха. Ступив под его своды, украшенные изображениями небесных светил, я спокойно и ясно осознал, что желаю однажды открыть и свое училище. Это была мысль, исполненная гордыни – что я знал, что я был тогда? камнем против звезды! – однако же именно она осветила мне дальнюю дорогу, которой я двинулся; она, мысль, привела меня на площади Самарии и Идумеи, в пышные храмы Гефа и книжные хранилища Хеврона, к мудрецам Галилеи и волхвам Ашкелона. Я не жалею об этой дороге и благодарю мысль, подаренную мне художниками, расписавшими своды Вефильского училища.

Еще одну истину, подобную идее о космосе, столь же простую, сколь и сильную, должно говорить людям в минуты первых сомнений. Ко мне же она явилась лишь после того, как Ахав и Менелай покинули двор сатрапа, а в мое училище устремилась городская стража. Я так испугался того, что путь моего знания прервется, что поначалу вернулся в тот ужас, в ту тоску, что преследовали меня прежде. Но затем, умыв лицо, препоясавшись, помазав голову маслом, я вспомнил, что и без училища будут мои ученики. Не только юноши, внимавшие мне под его кровом, но и те, кто когда-либо, слыша мои слова, задумывался о звездах. Для ученичества не нужна школа; я – ученик тех странников у колодца, хоть и не ведаю их имен. Я – ученик всех книг, что прочел. Ученик моей матери и отца, ученик мира. Каждый из нас – ученик мира, если только возжелает учиться. Знания льются отовсюду потоком, щедрым, как звездный свет.

...Этот свет освещал мой путь к училищу Авимелеха: знойными днями я подрабатывал погонщиком, писцом и ткачом, а тихими прохладными ночами шел от города к городу, размышляя, пока не достиг Вефиля и не был поражен не знаниями, рождавшимися под началом Авимелеха, но застывшими догмами, хранившимися в теплом воздухе его дома. Старцы толковали светила подобно письмам и предначертаниям, но вовсе не задавались вопросом,

что есть звезды как вещи. Ледяные шары? Горячие непрерывные вспышки? Осколки разбитого некогда небесного свода? Никто в училище не дал мне ответа на этот вопрос. Я же тяготел не к пророчествам, но к природе вещей.

Я дерзко возражал старшим, отчего вскоре был бит и изгнан. Я лежал на заднем дворе, на остывающих плитах, смотрел, как дымы городских печей поднимаются в темнеющее небо, и чувствовал, как по виску моему течет кровь, а в голове зарождается мысль, что смена дня и ночи, гнева и милости, покоя и боли есть вечное движение, и если присмотреться к нему, в движении этом можно найти порядок. Годы спустя я вернулся в училище, заявив, что даже смерть, может быть, не конец, а лишь форма движения, за что был бит и изгнан вторично. В ту пору я верил, что это истина; другие же слышали в этом угрозу вере.

В то, что это истина, я верю и теперь. Когда я завершу здешний путь, останутся единомышленники, которые подхватят мое дело, мою дорогу. Возможно, это будут мои друзья, а может, далекие юноши, трубящие на стенах; рабы, копающие колодцы; кормилицы, качающие младенцев, – те, о ком я даже не знаю. Но ни одно достойное дело не останется без продолжения – это я ведаю твердо. С ним могут случиться упадки, забвения, временные смерти, но после оно все равно продолжится, возродится. Не об этом ли говорят нам белые карлы, превращающиеся в ярчайшие звезды? Каждый держит свою часть мира.

...Покинув Вефилъ, я странствовал по городам и селениям Самарии, Аравии и Моава, знакомился со жрецами и мудрецами, черная в этих встречах новые возможности понимания. Одни полагали звезды богами, другие – небесными механизмами и образами человеческих душ. Я не отвергал ни одного знания, стремясь только, чтобы моя голова не превратилась в пыльные комнаты с молчаливыми свитками Авимелеха. Я двигался по земле, но шел сквозь звезды, и звезды двигались сквозь меня. Так я понимал, что все, что движется, имеет память, а память есть информация.

– Ин. Фор. Ма. Ци. Я, – шепчу я в тишину крепости. Протягиваю руку вперед и раскрываю ладонь. Отпускаю лепесток. Он летит, ведя за собой зарю, зачиная день, затягивая шов, из которого приходят звезды.

Скоро я полечу внутрь Башни камнем с неба на землю, и до дна долетит лишь оставшаяся от меня пыль. Она смешается с почвой, и, когда века спустя Башня будет разрушена людьми или небом, из почвы прорастут финик, смоква, а может быть, виноград. Осенью его листья станут алыми, облетят, и каждый стянет собою свой темный шов.

...В Хевроне я спорил с толпой о том, могут ли звезды умирать. В Ашкелоне наблюдал затмение вместе с Аваном и Гедеоном. В Сихеме впервые изобразил на пергаменте путь звезды, каким он представлялся мне по результатам изучения и наблюдений: от темной пыли к солнцеподобным светилам, алым титанам и белым карлам. Уже с той поры со мною были Гедeon и Ефам, ученики, под градом ударов спасавшие карты и небесные камни, когда в наше училище явились воины...

И прежде, и теперь я всего лишь камень.

Но камень подброшенный, камень, набравший первозданную быстроту, столкнется вверху с небесным огнем и вспыхнет, и обратится звездой. Мне предстоит полет вниз, однако же все тела пребывают в движении космоса, и есть ли в таком случае разница между верхом и низом? Остается надеяться, что тело мое обретет достаточную быстроту, чтобы после дух обратился звездой и взмыл в небо – к Гедеоу, Ефаму, Алфею, к прекрасной моей Елизавете.

...Вернувшись домой после долгих странствий, я открыл собственное училище – не предсказателей, но исследователей: я и мои ученики смотрели в небо не для гадания, но для понимания. Мы проводили краткие летние ночи на кровле, наблюдая, и беседовали о том, что даже угрюмые черные карлы – не смерти, но продолжения. Вместе с учениками я расчищал крышу старого зернохранилища, отданного под училище, поднимал на кровлю полированные диски из бронзы, с великой точностью вырезывал отверстия для наблюдений и вел записи.

В записях нам помогала Елизавета, дочь лекаря. Она следила за пергаменными, приносила воду и смазывала наши раны елеем, а на рассвете, когда сморенные ученики засыпали, помогала мне накрывать диски и свитки мешковиной, уберегая от солнца. Ежеутренне я смотрел, как свет ложится на ее щеку золотой линией, и думал, что никакие пергаменты не объяснят, почему свет – это радость. Это нужно почувствовать, это – сердце.

...К полудню Ефам выпекал ячменные лепешки, Алфей наносил на звездные карты наблюдения, а Гедеон трудился над прибором, призванным указывать стороны света. Шуршали свитки, пахло миртом и уксусом, ученики мои, согнув спины, трудились, чтобы позже расправить плечи и устремить взоры к небу. Обводя училище взглядом, я думал: если это не есть порядок, то что есть космос?

Однажды, на исходе холодной ночи, длиннейшей в году, в которую праздновали появление на небе Аса, Кесия и Химы, мы остались с Елизаветой вдвоем. Собрав кувшины и чаши, унеся цветы и догоревшие свечи, разошлись ученики, а она встала со мною рядом, и я плечом чувствовал ее плечо. Нутром моим я изнемогал, мыслью горел, а взглядом неотрывно следил, как луна движется над кровлями и холмами. В тот день я догадался, как ходом луны измерить движение света, но уразуметь, какой звездный дождь уронил на землю две прекраснейшие звезды – ее глаза, – так и не смог.

Елизавета собирала травы для своего отца, и в свободные часы, садясь рядом, рассказывала о ларвах и лилиях, акации и полыни, сравнивая шевеление трав с движеньем звезд. Порою она внимала тому, как я читаю труды Гиппарха и Птолемея, а порою мы молчали, и шевелились травы, и звезды двигались над нами по небесным спиралям, и я, слыша ее дыхание, верил, что вселенная дышит о нас. О, моя лоза... Наши просторные комнаты, наша кровля, наши карты и чаши финиковой воды в жаркие дни, наши беседы и наши звезды – это время обрело в моей памяти вечность. Как жаль, что часть этой вечности завершилась оттого лишь, что мир наш так часто бывает болен, отравлен ложью, обуян страхом и захвачен колдунами и легковерами.

Снег окончен. Утро пришло.

Каждое мое воспоминание – словно луч звезды. До тебя, читающего это, мое прошлое долетает в тот момент, когда я уже мертв. А это значит, я все еще жив и буду жив вечно, потому что не остановить летящее слово.

Когда я уже угас, мой свет прямо сейчас достигает тех, кто идет этой дорогой впереди и после меня, и за руку со мною, о, моя лоза.

Ринат Газизов

Родился в 1988 году в Ленинграде. Окончил Горный институт по специальности «маркшейдерское дело». Пишет прозу, публиковался в антологиях и журналах фантастики и хоррора, «Новом мире», «Дружбе народов». В издательстве «Альпина. Проза» вышел дебютный сборник рассказов.

Нить

Моя бабушка была человеком старой закалки, большую часть жизни она прожила в двадцать первом веке.

Каникулы – хотя бы пару дней между блоками моей учебы – она попросила провести с ней, в сибирской деревне. Я не мог ей отказать. До Перми я добрался по скоростной магистрали. Дальше заказал пассажирский мультикоптер.

За десять минут до прибытия бортовой ИИ выдал: «Зафиксированы летательные аппараты, угрозы не представляют». И вывел силуэты мне на вирт-линзу в глазу: что-то вроде лохматых воздушных шаров, данные телеметрии. Я не вчитывался, отправил: «Любительское воздухоплавание?» Все-таки у бабушки в деревне какой только ерундой не занимались местные мальчишки. Но бортовой компьютер ответил: «Любительское... искусственного происхождения... отмена... естественного происхождения... Требуется уточнить, выпустить разведдроны, принять, отклонить?» Я отмахнулся.

Бабушка ждала меня на посадочной площадке.

Я опять удивился простору ее участка, сочной зелени, буйству и щедрости непослушных форм. Кусты, клумбы, льнущая во все стороны трава – от моего приземления, – плодовые деревья и подступающий подлесок, куда вел бабушкин деревянный трап. Сколоченный небрежно, невозможный в городе, этот трап так по-хозяйски уходил в глушь, будто и лес тихо пристраивался к даче.

Я улыбнулся и покинул мультикоптер.

Она изменилась.

Она встречала меня в прежней одежде. Цветастый халат, босоножки, волосы убраны под белую косынку. Кухонный передник был в муке, а из его кармана торчали две петли спиц и

вечный ободок с вышивкой. «Не ободок, – поправил меня нейроимплант, – это называется “пальцы”».

Мы обнялись. Я не стал опять задавать старые вопросы вроде:

– Почему ты не пойдешь на реставрацию теломер? Снизить гексозо-денатурированный белок?

– Ох, не люблю клинические лежбища.

– Бабуль, сеансы уже давно длятся по часу.

– Мне претят технологии омоложения.

– Почему?

– Не хочу отказываться от пенсии. Ради чего я работала, по-твоему?

Так она отвечала в прошлые каникулы, а я продолжал втюхивать ей регуляторы нуклеотидного распада и прочую муть. Я был дураком, и мне не терпелось расти: быстрее, рывками, по моему плану! Потому я не мог ждать, когда созрею своим церебральным аппаратом до мудрого принятия ее принципов. Я прооперировался, установил комплект нейроимплантов с выходом на метакортекс.

Этим летом я – более зрелый внук.

Заметив, что из-за рефлексии и фоновых задач я забыл снять перчатки с электрическим заземлением, я не покраснел.

– Что за приبلуда? – спросила бабуля, пока мы шли к крыльцу.

– Через эти перчатки не пробьют детекторы эмиссии нейронных импульсов.

– Кто не пробьет?

– Любой, кто зачем-то идет на контакт.

– А без перчаток?

– Есть вероятность считать последовательность транзакций вот тут. – Я постучал по виску. – Взломают дебет, и я нищий.

– Прогресс идет семимильными шагами! В мое время баловались перехватом Ван Эйка. Прятались за стеной от компьютера, который хотели взломать. Представляешь, внучок? Антеннами снимали излучение монитора, отсеивали шумы от прочих комплектующих и различали картинку. – Бабушка покачала головой. – Как вдохновенно работают плуты!

Мы поднимались на террасу.

Доски из крашеной сосны скрипели натурально, а не датчиками аудиоаутентичности, какие вшивают в скамьи городских парков. Это я еще мог услышать сам, без наводок ИИ. Круглый стол из массива дуба был накрыт тканой скатертью. На ней ожившей музейной экспозицией воздвигся чайный сервиз Императорского фарфорового завода.

Вирт-линза провела спектральный анализ кобальтовой сетки, отправила топологию чашек, блюдца и чайника на обработку в облачный процессорный кластер. Через пять секунд я зачем-то знал, что сервиз подлинный, ему сто сорок один год. Кажется, тонконогая балерина на чашке, застывшая в фуэте, надменно скосила на меня глаз. Мы виделись с ней каждое лето, а я до сих пор не дорос до уважения...

Из носика, запотевшего под изливом, струились пары замешанных в кипятке цейлонских листьев и шалфея. Шалфей я тоже распознал не сам. Это обонятельная присадка под лобной долей плюс шустрый ИИ. Какой дивный запах. Какое старое слово.

– У вас в городе по-другому? – улыбнулась бабушка.

Она толкнула пальцем допотопные очки вверх по переносице; те всегда сползали, стоило ей поморщиться. Очки: лишь полированные линзы в железной оправе. Мои подкожные ферродатчики электромагнитного излучения рапортовали: бабушка не носила на себе ни одного гаджета. Она сидела передо мной и так уместно выглядела на этой скамье, поправляя подол, так подходила деревянному дому из сруба, цветущему саду, пустому небу, где и след простыл моего транспорта.

И вглядывалась она в мое лицо.

Как достают щенка из репейника, так она отделяла внутренним взором своего внука от новомодных примочек. Эта метафора тоже была не совсем моя...

– В городе все не так.

– Тебе нравится?

– Я еще не понял. Я еще пишу курсовую...

– Прямо сейчас?

– Да, распределяю параллельные потоки. До семидесяти процентов вычислений и решений могу отводить в облако. Конечно, сейчас я смотрю реакцию Вики – это моя девушка – на свой нейрострим часовой давности. Маме транслирую тебя, прям так, от первого лица, и тут же комментирую, а мама показывает новую машину, и тебе привет. Мой цифровой облик – не полноценное оцифрованное сознание, а аватар, созданный нейросетью, выгружен к ней в Подмоскovie. Для постоянного присутствия – голограммой; мама же так скучает... Одновременно я изучаю соглашение с банком. У меня будут выгодные кредитные условия, если отдам часть мозговых мощностей на фоновые задачи банкинга. И это еще зачтется как студенческая практика...

– Ну и каково это, внучок?

– Если бы ты тоже подключилась к нейронету, мне не пришлось бы говорить все это ртом. Быстрее через смыслообразы, в обход органов чувств. И оперироваться тебе, как мне, необязательно. Можно функционал поскромнее, есть такие технологии, как...

– Я про другое.

– Что?

– Ощущать себя сразу во многих местах – каково?

– Привычно. Я жажду побывать везде.

– У тебя глаз светится от сервиза. – Бабушка хмыкнула. – Сканируешь имплантами мою дачу! Эх ты, птица-говорун! Нейронет еще ловит в моей глуши?

– Спутники нового поколения. Не еще, а уже, и с терабитным пропуском. Это навсегда, я думаю.

– «Навсегда» бывает только у шестнадцатилетних. А сейчас давай-ка перекусим.

Бабушка засуетилась вокруг стола, раскладывая блины. Передвигалась она забавной утиной походкой. Седую челку, выбивающуюся из-под косынки, энергично отбрасывала с глаз. Она чувствительно для моих ушей застучала чайной ложкой, сбивая на тарелки густое варенье.

В блинах сахара было на двенадцать процентов больше, чем приемлемо для моего организма по шкале Минздрава. Я потянул воздух носом еще сильнее. Сливочное масло второго сорта. След моющего средства на тарелке: массмаркет, не экологично, ПАВ больше пяти процентов...

Тут я опять поймал на себе ее насмешливый взгляд.

Возможно, эти очки с диоптриями на выцветающих глазах давали картинку куда более четкую, чем мои модификации.

Я знал не своим знанием: бабушка была бы довольнее, если б я жил в этот момент без навороченной гаджетологии. Жил при ней как голый от природы внук.

Я вздохнул и отключил в своем организме все, что мог отключить сознательным усилием.

Теперь она умилялась и сноровисто скручивала блин в пальцах.

Конечно, что-то в моей мимике, что-то в повадках сказало ей: метакортекс остался за садовой калиткой. Внук теперь сам дойдет до деревенского туалета между грядками редьки, не выстраивая оптимальный маршрут через мощности облачного процессорного кластера.

Бабушка говорила: прежде чем положиться на искусственный интеллект, следует выжать все из естественной тупости.

– Ты позвала – и чем мне заняться? Ну, кроме блинов и безделья?

– Не говори с набитым ртом! Поможешь мне с пристройкой дачи. – Бабушка нацелила палец вверх. – Там.

* * *

Раньше у нее только и разговоров было, что о теплицах, грядках и подвязках, и надо бы опрыскать яблони, а то в прошлом году заела парша, и поменять скрипучие лаги под полом, и полезай-ка, внук, латать текущую кровлю. И чтоб никакого распыляемого полимера – черепица куплена, ждет в сарае!

Я думал, что работать буду по этой части. Но ремонт оказался глобальнее.

Деятельность бабушки пробудил пессимизм моего дяди. Он работает над протоколами прогресса под кодом «Аччелерандо» в институтском отделе прогнозов. Главное событие на футурологической его шкале – это наступление технологической сингулярности. Оно ожидается через пятьдесят лет плюс-минус два года.

– Я бы хотела верить в несостоятельность закона Мура, – сказала бабушка, – но этот поезд мчится все быстрее.

Если вкратце: когда на грамм вещества в Солнечной системе будет приходиться миллион вычислительных операций в секунду на всех мировых микропроцессорах, у искусственного интеллекта хватит ресурсов на выход силой. Приращение искусственных мощностей далеко превысит биологическое приращение человечества.

ИИ научится мыслить, и мы за ним не поспеем.

Открытия и внедрения технологий будут происходить при минимальном участии человека. Реакторы с управляемым термоядерным синтезом будут доступны, и мы перестанем драться за нефть. Экономические протоколы распределения благ ИИ даруют безусловный базовый доход и дважды базовый срок жизни, чтобы мы могли стать еще более демотивированными для саморазвития. Наконец, хватит мощностей ИИ для оцифровки мозга, и люди массово переведут каждый свой нейрон и связи между ними в виртуальность. Появятся цифровые слепки-двойники на случай смерти; для полета в космос; кто-то целиком выгрузится в виртуальную среду, кто-то вырастит под себя новое тело из генетического секвенсора – с мозгом, до нейрона похожим на исходный.

Экстремальные скорости прогресса вызовут противодействие со стороны тех долей населения, которые окажутся футуршокированными приматами с несовместимой культурной подложкой. Серверные мощности «цифрового божества» будут атакованы террористами. Будет и пассивное неприятие: ортодоксы создадут закрытые сообщества, расцветут дикарские образы жизни.

Раскол между прогрессорами и консерваторами уже сейчас не дает человечеству возможности коллективно создать альтернативу будущему с ИИ.

И все будут принуждены к виртуалу.

– А я на эту дрянь не пойду, – сказала бабушка, подкладывая мне еще пористый и сочный кругляш.

Тут я с ужасом заметил, как за ее плечом ткет на балясинах паутину монстр размером с мою кисть. Глаза у паука были едва ли меньше кошачьих. Пялился он с разумным выражением. Лапки с циркульной отточенной координацией мелькали и чертили в воздухе... Бабушка оглянулась: «Ой, уйди!» – махнула на него... Промчался жаркий ветер, потряс абрикосовые ветви, и по крыше застучало, посыпалось – я сбился с мысли, а бабушка уже откровенно надоевшей хохотала.

Городской приехал. Нейрокостыли свои отбросил и теперь вздрагивает, вот умора!

...По логике дяди и его прогнозистов, усиление ИИ непременно ведет к преобразованию материи в лучший материал для среды обитания этого ИИ. А значит, планета Земля и далее

остальные в Солнечной системе должны быть переработаны в умную пыль посредством наномашин, разбирающих планету от почвы до ядра – на атомы. Облако этого вещества группируется матрешкой из сфер Дайсона вокруг Солнца для передачи энергии от оболочки к оболочке. Получается идеальная сборка материи для сильного ИИ – компьютерный.

Поскольку биом в таких условиях невозможен, всем человеческим личностям обеспечена постжизнь в оцифрованном облике.

Для меня это была банальная антиутопическая байка о грядущем будущем.

Я знал, что бабушка, человек старой закалки, с этим нарративом живет много лет. Воспринимает работу дяди серьезно, видит подтверждения в своей научной школе прошлого, подцепила эти настроения в своем кино, прочла в своих книжках.

Все это было лобовое, условное, ретрофутуристичное.

– Бабуль, я не вижу ничего плохого в загрузке и выгрузке оцифрованного сознания.

– Про то, как сканируют мозг, создают цифровую копию каждого нейрона и наводят связи между ними, как в оригинале, – это я в курсе, – серьезно говорит бабуля. – Только полноценного переноса так и не сумели добиться. Точности и глубины не хватает, чтобы увидеть мозг до нейрона. Квантово-глиальный парадокс неразрешим. Большая проблема сознания стала сверхбольшой... Но даже если все это потянет сильный ИИ – это будет не жизнь и не человек.

– А я думаю, что мы этого сейчас не понимаем.

Надо лишь сделать шаг и кардинально измениться. Замечу самый большой плюс, бабуль. Космос удобно осваивать, если экипаж помещается на флешке. А та – в банке как из-под маринованных огурцов. Тело – бремя, космос состоит из цифр и цифрами покоряется... Таких постлюдей и на солнечный парус посадишь, и лазерами толкнешь, и не нужны вода, воздух, еда, анабиоз... – Я в банку не полезу, – сварливо сказала бабушка.

– И поэтому ты хочешь дачу на орбите?

– Да.

– И этот аппарат сойдет с орбиты и ляжет на курс, как только ИИ начнет разбирать Землю под свое вместилище?

– Именно так.

– И у тебя будут пристани в виде Амальтеи, Европы, Титана, где ты еще сможешь застать человеческие колонии?

– Да, я старомодна и сначала залетела б в Европу.

– Но ИИ может добраться и туда.

– Я верю, что индийский проект ковчега через пятьдесят лет уже вырастит Землю 2.0. Например, из Кеплеров, подходящих нам для жизни. Ты читал «Князя Света», внучок?

– Я не читаю книги. Пока ковчег с теми эмбрионами и роботами-няньками долетит, планеты должны стать пригодными. Ты веришь в успешное терраформирование? Роскосмос научился обогащать реголит для выращивания стойких растений, добураваться до льда, устраивать колонии... Но возвести себе целый биом... И ты думаешь, что ИИ даст нам спокойный уголок биологической жизни?

– У меня ломит кости. У меня артроз поясницы и, знаешь ли, постоянный насморк. Бывает, я часами ищу очки, а они у меня в руке. И это моя лучшая жизнь. Я не думаю – я должна верить в уголок для тихой жизни без сильного ИИ. Кстати, может, мы встретим, улетающая отсюда, цивилизацию третьего типа по Кардашеву. Почему нет?

На инопланетянах у нее был пикетик, и шкалой она пользовалась устаревшей – это метка старого поколения.

– Бабуль. Каждый раз, когда я слышу про болячки, я советую тебе удобные штуки. Ты могла бы хоть купить улучшенную иммунную систему. А еще... Если технологическая сингулярность и вправду наступит через пятьдесят лет, то бабушка – при ее настойчивом отказе от процедур – не доживет.

Я осекся, но...

– Ты бы еще поульсенизацию мне втюхал... Ха! – Она ткнула мне в висок пальцем. – Не найдешь, что это, не найдешь! Потому что вымысел, книжная выдумка. Ладно, все понимаю! – Она подняла руки. – Я человек старый. Дачу там хочу я, и построю я. Но пригодится она тебе.

– Нет, я уйду в цифру.

– Ты сейчас так говоришь. А я прошу: не руби сплеча. Поживешь – увидишь.

– Бабуль, ты правда хочешь построить... э-э... космический корабль, чтобы у твоего внука был выбор? Чтобы я мог вдруг слинять с Земли, если она пойдет на растопку мощностей ИИ? Как наивно. Надо будет прошерстить Сеть в поисках подобных примеров.

В том, чтобы иметь частный космический корабль, нет ничего необычного. И иметь самые эксцентричные причины для этого – тоже. Конечно, у бабушки нет средств на единоличное владение, обслуживание, хранение в собственности. Но были возможности для разовых полетов – никто не отменял низкие цены на горящие туры на Луну.

А все же почему она так уверена в своей космической пристройке к даче? Как это можно – «построить»?! Это пока еще не мебель из «Икеи», выражаясь ее языком.

– Именно это я и хочу, мой дорогой внук. Построить.

Она с азартом хлопнула по столу.

– Так что сегодня у нас запеченная картошка с укропом. Из настоящей печи, понимаешь, а не на плазменном обжиге, как у вас в рестиках!.. На десерт моя клубника со сметаной. Сметану, кстати, выменяла у соседей. Представляешь, они страдали от нашествия тли, а я им выделила колонию управляемых муравьев. Те наварили феромонов, умиряя и угоняя тлю ко мне на пастбища, как ворованный скот... И вот соседи расплачиваются со мной сметаной! Чудесная: ложку воткни – столбом стоит!

У меня появились вопросы, много вопросов.

Но бабуля продолжала:

– После еды ты отсыпаясь как следует. А завтра познакомишься с дачным бытом. Раз ты у нас такой взрослый, то и увидишь больше, чем в том году... Если не спится на новом месте, да еще без своей гаджетологии, – так почитай мои книжки. Вон в том гамаке между яблонями знаешь как удобно лежать и читать?..

Спорить и допытываться было бессмысленно.

Свою комнату я тщательно обшарил. Ни пауков, ни книг. Но на всякий случай придвинул кресло к двери.

С утра она накормила меня оладьями и попросила установить откосы одной межкомнатной двери. – Как ты их снесла, бабуль?

– Не я, бесились мои малыши.

Мысль о насекомых привела меня в панический тонус.

Бабушка ведь изучала их... Что-то вспоминалось про хитин в вакууме, ускорение эволюции через ИИ, шагающие фрагменты ДНК, которые она подсаживала своим подопытным...

Раньше, когда она говорила о своей работе в прошлые годы, это было дикой скукой. Не просто из-за скучности предмета, смутного устаревшего прошлого, а из-за самого процесса «говорения». Если бы она могла передать мне опыт изнутри, как я – свой нейрострим, это было бы другое дело.

Из ее прошлого в НИИ я четко запомнил лишь цифры – итоговую астрономическую сумму за патент. Бабушка, тогда зрелый ученый, в своей лаборатории создала какую-то химическую архитектуру для примитивной коммуникации с насекомыми. Ее разработкой пользовались аграрии и военные. В буддистских странах благодаря ее открытию застройщики научились предупреждать всю живность о своих намерениях, чтобы при строительстве губить как можно меньше живых существ.

Я мог бы вникнуть, как это работает, но запомнил лишь эту сумму денег... Я был дурак, мне было скучно.

Все-таки мои ровесники каникулы проводили, играя в реактивный бадминтон в Кратере Гейла. Они пытались создать вольфрамовые капсулы, стремящиеся к ядру Земли, с мини-реактором и коммуникацией с поверхностью через частоты продуцируемых капсулой тектонических колебаний. Мои друзья принимали ставки в соревнованиях изобретенных ими же меметических вирусов и фильтров нейроспама: кто пробьется вирусной песенкой, шуткой, образом через брандмауэр в мозг?

Поэтому я пропускал многие рассказы бабушки мимо ушей. Я был не с ней.

Кому это надо: о прошлом, о старом, о себе – «говорить»?

Кому это надо: быть лицом к лицу и «слушать»?..

...Теперь бабушка поставила меня перед дверным проемом и выдала баллон монтажной пены. Артефакт древности, которому я бы удивился, если б не ее чудовищный паук. Он свесился передо мной с потолка, я отпрянул и заехал баллоном себе же в нос.

– Почему он такой большой?!

– Я выращиваю их уже пятьдесят лет. Этот своевольный, в дом захаживает...

– Зачем?! И ты не ответила на мой вопрос!

– Ты не застал времена, когда фермеры соревновались, у кого тыква больше и корова лучше доится? Вот и мы в деревне играем. У кого пауки смышленнее.

Бабушка лукавила.

Я кое-как запенил откосы, приклеил их к стене скотчем (неэкологичная липучка), чтобы пена не утянула. Потом вместе с тюбиком горчицы из холодильника, приложенным к носу, я пошел наружу за бабушкой. К погребу. Никаких пауков под ногами не было. Но трава всюду подозрительно шевелилась.

Тут она спохватилась:

– Погоди, у меня же доставка днем запланирована. Хочу, чтобы ты просчитал маршрут во вторую руку.

– Я, если честно, так себе логист.

– Включи свой ИИ.

– Ты не любишь, когда я подключен к метакортексу.

– Да врубай на всю катушку, перетерплю! А то ты какой-то бледный и вялый. Пока еще не поздно, проверь мои расчеты. В погребе ловить не будет. – И она протянула мне тетрадь, а сама взялась за вышивку.

Я нащупал мысленно этот тумблер у себя в височной доле.

И щелкнул.

Снова заработали нейроимпланты, и вирт-линза вернула мне привычное многомирие.

Я потянулся в метакортекс, и запустились опять отложенные задачи, параллельные потоки: практика в банке, курсовая по юриспруденции, взаимный нейрообмен ощущений «здесь и сейчас» с Викой, продление визы на Луну, выбор будущего майнор-курса: хочу ли я заниматься правовыми вопросами корпораций, обретающих самосознание, или меня больше интересует, кошерен ли выточенный принтером ломтик бекона, идентичный до молекулы куску из настоящей свиньи?

Мое внимание раздробил ИИ. И по кусочку, в своей оправе, усилил и направил на миллион прочей ерунды.

Нервная система привычно расщепилась на автономии, безопасно перенося и эйфорию нейровстречи с девушкой, и стресс от подготовки к экзамену.

Как славно снова прийти в себя, растворяясь в данных! И ощутить себя сразу во многих местах, присутствовать везде, где мне хотелось.

Я спохватился. К делу! Открыл тетрадь бабушки. Писала она на разлинованной бумаге шариковой ручкой.

ИИ в моей голове легко расколол почерк, заодно выдав диаграммы ее настроений и временные метки (когда и что написано), особенности груза, доставку которого заказала бабушка, строчки координат, расчетную орбиту... Я связался по нейронету с оператором. Мне ответили: «Служба доставки Роскосмоса на связи».

Через десять секунд я понял все.

– Бабуль. Ты заказала доставку астероида.

– Ну да.

– Доставку на определенную точку в небе.

– Именно так. Здорово же, что наше космическое такси стало обслуживать и простых граждан, да? Только согласовывать это с инстанциями та еще морока! Утильсбор за новый астероид, это раз. Взнос за расчистку космического мусора, это два. Три: пошлина для внесения движимой-недвижимой собственности в реестр орбитальных объектов. Дальше: оплата за превышение габаритных характеристик...

Я попытался сделать вид, что не удивился.

– Подожди, давай по порядку. Я скажу, что я понял... Он захвачен из межпланетного пространства, отбуксирован на орбиту, развернут реактивными приводами для коррекции ориентации – той стороной, которую ты наметила в спецификации. Аренда приводов на полгода. На астероиде установлен комплекс неких передающих устройств в соответствии с твоей инструкцией. То, что ты в тетради называешь... э-э... лебедкой, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.